

ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФАУСТА И ЕГО БЕСА

MATRIX
EPICUS

в пересказе **Анджея Иконникова-Галицкого**

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

Народное творчество (Фольклор)

История доктора Фауста и его беса

Серия «Matrix Epicus»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73574848

А. А. Иконников-Галицкий. История доктора Фауста и его беса в пересказе Анджея Иконникова-Галицкого: Литературная матрица;

Санкт-Петербург; 2026

ISBN 9785605122531

Аннотация

Доктор Фауст и его спутник Мефистофель известны всему миру по многочисленным литературным произведениям, по фильмам и операм. Однако мало кто знает историю реального человека по имени Фауст, жившего в бурную эпоху духовного и политического переустройства Европы и ещё при жизни сделавшегося персонажем легенд и народных сказаний. Книжная серия «Matrix Epicus» предлагает читателю познакомиться с жизнеописанием и невероятными приключениями подлинного доктора Фауста в художественном прозаическом пересказе писателя, историка и поэта Анджея Иконникова-Галицкого, участника археологических и этнографических экспедиций

и автора нескольких десятков поэтических, прозаических и исторических книг.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Слово пересказчика	6
Часть I. Чернокнижник	11
О том, чего хочет сатана	11
О Сауле, Симоне Волхве и чернокнижнике Герберте Аврилакском	16
О происхождении человека, называемого Фаустом	26
О том, как доктор теологии молотил ведьм и заодно пристукнул архиепископа	33
О том, как испанский дон наелся индейской зелени, а понос пробрал короля Франции	41
О том, как Фауст изучал естественную магию в Кракове	49
О том, как Фауст в первый раз вызывал демона	56
Три встречи Фауста с чёртом и договор	62
О том, как монах кидался чернильницей в чёрта	71
Нечистый дух по имени Мефистофель развлекает Фауста	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Анджей Иконников-
Галицкий
История доктора
Фауста и его беса в
пересказе Анджея
Иконникова-Галицкого**

© Анджей Иконников-Галицкий, пересказ, 2025

© ООО «Литературная матрица», 2025

© ООО «Литературная матрица», макет, 2025

© Александр Веселов, иллюстрации, оформление, 2025

*** * ***

Слово пересказчика

*– Знаете ли, что душа моя давно продана
нечистому?*

*– Экая невидальщина! Кто на веку своём не
знавался с нечистым?*

Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота

Когда пару лет назад нам дали задание пересказать для современного читателя «Божественную комедию» Данте, мы подумали, что ничего труднее и замысловатее быть не может.

Оказалось, может.

Пересказ истории доктора Фауста явился делом ещё более заковыристым.

Почему же?

Прежде всего потому, что никакого единого и целостного повествования на эту тему не существует. А существует облако легенд, или, лучше сказать, этакая бесформенная куча текстов, в которую свалены рассказы и сведения самого разного рода, от ругани близких знакомых до мюнхгаузеновских историй про полёты в поднебесье и от бухгалтерских документов до народных сказок про хитрого пройдоху.

Да, кстати: мы сразу же должны предупредить читателя, что наша история ни в коей мере не является пересказом «Фауста» Гёте (которого к чему и пересказывать?), а относится к некоему опасному чернокнижнику и любознательно-

му волшебнику, легенды о котором сложились в мятущейся Германии XVI века.

Об этом-то персонаже, отчасти реальном, отчасти фантастическом, сохранился ворох всевозможных упоминаний и сказаний, записанных в некоторых случаях на средневековой латыни, но главным образом на языке, который даже называется-то неудобопроизносимо: ранненововерхненемецкий. И нам пришлось бы потратить уйму времени и сил на разгребание этого вороха, да мы бы попросту с этим не справились, но таковую работу сделали до нас учёные специалисты высочайшего уровня.

В 1958 году в книжной серии «Литературные памятники» вышла первым изданием и спустя ровно 20 лет вторым, дополненным, «Легенда о докторе Фаусте». Там собраны, переведены на русский язык и прокомментированы все известные науке тексты на данную тему, причём подготовлена книга была В. М. Жирмунским, крупнейшим филологом и знатоком немецкой литературы.

Так в чём же дело? Вот книга, бери и читай.

Дело в том, что указанное академическое издание обладает рядом особенностей, которые многим читателям мешают в полной мере получить душеполезное удовольствие от истории доктора Фауста.

Во-первых, переводы в этой книге являются научными, то есть язык их несвободен, и они во всех деталях максимально приближены к оригиналу. Но оригинальные тексты писались

разными людьми почти полтысячелетия назад в Германии, обуреваемой страстями религиозных войн и Реформации. Они запальчивы и пристрастны. Некоторые мотивы, чрезвычайно важные для тогдашнего читателя, совершенно непонятны, да и неинтересны читателю современному, тем более русскоязычному. Многие реалии, которые человеку того времени представлялись настолько очевидными, что не требовали даже упоминания, нашему современнику неведомы, отчего чтение порой превращается в разгадывание ребуса.

Во-вторых, различные тексты о Фаусте в академическом издании представлены по отдельности и не образуют единого повествования. А так как они совершенно разнородны и зачастую противоречат друг другу, составить сколько-нибудь целостное представление о главном герое, его жизни и судьбе довольно-таки затруднительно.

В-третьих, несмотря на наличие обширных комментариев, в публикации «Литпамятников» отсутствует исторический фон. Сегодняшнему читателю, если он не специалист-историк, остаётся неведомо, что творилось вокруг Фауста и кто были его современники. А творились великие дела. И современники были столь выдающиеся, что, как говорится, пробы ставить негде.

Вообще, следует обратить внимание на то, что доктор Фауст (и реальный, и сказочный) жил в эпоху узловую, по крайней мере, для западноевропейского мира. Именно тогда совершался великий катаклизм, преобразивший средневеко-

вую Европу в современную; именно тогда сквозь кровавый туман войн, заокеанской колонизации, ведьминских костров и алхимических опытов стали проступать контуры нынешней глобальной цивилизации. И современниками Фауста (старшими, ровесниками и младшими) были самые что ни на есть ключевые персонажи европейской истории и культуры: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Дюрер, Колумб, Васко да Гама, Магеллан, Лютер, Кальвин, Коперник, Парацельс, Нострадамус, Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, Рабле... Список можно продолжить. С некоторыми из них Фауст наверняка был лично знаком.

Причём эти современники, как и сам Фауст, люди невероятной энергии и бодрости духа, жили в мире, по нашим понятиям, ужасно жестоком и сами прямо или косвенно участвовали в повседневных тогдашних бесчинствах: резне, грабежах, захватах, казнях инакомыслящих и так далее. Кроме того, они совершенно не сомневались во многих вещах, которые в наше время кажутся маловероятными, например, в том, что путём магических действий можно перенести человека по воздуху на большое расстояние, или приделать ему рога, или предсказать его будущее по звёздам, или вызвать из преисподней дух его далёкого предка. Всему этому обучали студентов штатные профессора в некоторых престижных университетах, что нам сегодня тоже кажется несколько странным.

Поэтому мы решились, взяв за основу свидетельства со-

временников и «Народную книгу» о докторе Фаусте, опубликованные в издании 1978 года, всё же довольно-таки далеко отступить от этих источников. Мы попытались на свой страх и риск выстроить некое подобие биографической последовательности повествования, а также дополнить его несколькими сюжетами – историческими и взятыми из нашей собственной жизни. Нам кажется, что такая отсебятина позволит читателю лучше прочувствовать контекст эпохи и сегодняшнюю актуальность фаустовской проблематики.

При этом, однако, сами новеллы о докторе Фаусте мы старались пересказывать близко к оригиналу, за одним исключением: мы убрали из нашего пересказа оценочно-нравоучительные мотивы, которые занимают заметное место в первичных источниках. Дело в том, что источники эти создавались в период невероятно ожесточённой борьбы на религиозной почве, и главным образом представителями одной из сторон – протестантской. А для них Фауст с его космическими интересами, попойками и странствиями в преисподнюю был нарушителем строгих правил протестантского благочестия, и его надо было всячески осудить в назидание другим. Впрочем, и для католиков он был явным отступником и чародеем, достойным суда инквизиции.

А вот кем же он был на самом деле?

Не знаю. Посмотрим.

Начать придётся издалека.

Часть I. Чернокнижник

О том, чего хочет сатана

Когда сатана был низвергнут с небес в преисподнюю, он, помимо всего прочего, лишился имени и предвечного своего и прекрасного образа, которым был наделён при сотворении. Теперь он, как масляное пятно на воде и как прореха в облаках, не имеет собственной формы, а стало быть, неспособен воспринять истину. Но именно поэтому может путём обмана принимать любой ложный облик. А так как он от сотворения одарён величайшей сообразительностью, то очень быстро смекнул, как ему вернуть утраченное и приобрести

неизмеримо большее. Он понял, что может этого достичь через человека, ибо среди всех творений Божьих только человеку дано право совещаться с Господом и входить в Его пресветлые небесные палаты для собеседования. Человек смотрит вверх и видит будущее – то, что ещё не совершилось, но сокрыто в глубинах Небесного света. Поэтому сатана поставил своей задачей проникнуть в сердце человека, подчинить его волю и на ней, как бы на некоем воздушном кораблике, вознестись в недоступную божественную высь.

Причём достигнуть этой цели не столь уж трудно (так полагает сатана) по той причине, что человек от природы доверчив и обуреваем чувствами, да ещё и обременён плотью, которую должен питать и согревать. Поэтому сердце человеческое всё время трепещет, разрываясь между вожделением грядущего счастья и страхом лишиться всего. Вожделение и страх – два глаза, которыми человек жадно вглядывается в будущее; две струны, колеблющие его душу. И вот, играя на этих струнах, сатана задумал одолеть человеческую волю и при её содействии вновь овладеть небесными сферами. Ну и, конечно, тем, что под ними, то есть Землёй.

(Не ведая истины, он одного только не понимает: что ежели овладеет миром, то мгновенно обратит его в ничто и сам исчезнет, не имея в себе самостоятельного бытия и формы. Впрочем, этого не случится. Вернее, случится совсем не так, как он думает. А почему – об этом наше повествование.)

Сатана начал с Адама и Евы.

Но первые люди ещё не знали страха. Поэтому повелитель пустоты, принявший на сей раз облик змея, соблазнил их предсказанием вожаденного будущего.

«Съешьте – и будете как боги».

То есть выступил как прорицатель или, лучше сказать, как учёный, обладающий особенным знанием и способный указать путь в светлое завтра.

Хороший знаток природы, он шепнул это Еве, так как в женском начале прорастает всякое семя, в мужском же – только духовное, а плотское бесплодно истлевает. Но то, чему поверит женщина, осуществит мужчина.

Что произошло далее – все знают, и мы повторять не будем.

Люди стали несчастны, и смерть вошла в мир, но сатана своей цели не достиг. Лишившись родного крова, Рая, душа человеческая унесла с собой как бы его частичку, золотой клубочек – любовь, ниточка от которого тянется туда, к порогу исконного блаженства, и обрела двух стражей – веру и надежду, охраняющих это сокровище. Для сатаны последние двое невидимы, с ними он ничего не может поделать. Поэтому как бы ни стремился он отобрать у человека любовь, ничего у него не получится, пока вера и надежда, взявшись за руки, стоят на страже человеческого сердца.

Но сатана этого не знает и изо всех сил пытается проникнуть в каждое сердце, чтобы, завладев сокровищем, оборвать нить, связывающую нас с источником бытия.

Он всё ещё уверен, что, пугая нас смертными страхами и лживо приподнимая завесу будущего, сможет овладеть человеческой душой и волей.

И надо сказать: в некоторых случаях ему это удаётся.

Или почти удаётся.

В прошлом, близком и далёком, можно найти множество примеров того, как люди бывали готовы отдать нетленное сокровище своей души за всевозможные временные блага, или, вернее, за то, что им казалось благом. Причём обычно маленькие люди покупались за мелочь, великие же – за крупные суммы. Впрочем, случалось и обратное: философ, к примеру, попадался на ничтожную приманку сладострастия, а вполне заурядный обыватель вдруг возносился к непостижимым высотам тщеславия. Но чаще всего незначительная душа обменивалась на безделушки, как-то: обильный стол, дорогие вина, роскошные одежды, добротный дом, чины и награды. За души людей масштабных сатане приходилось платить дорогостоящими ожерельями из самоцветов – целыми сияющими миражами в виде дворцов, замков, мавзолеев и храмов славы.

Однако два самых крупных алмаза из своей иллюзорной коллекции сатана приберегает для особенных душ, одержимых смелостью полёта и неподвластных всяческой боязни. Эти алмазы – власть и знание. Точнее (чтобы не путать с Божьими дарами): самовольная власть и тайное знание.

О том, как дьявол соблазнами самовластия и тайноведения стремится прельстить даже избранных Божьих, рассказывают нам многие святые отцы, да и само Священное Писание.

О Сауле, Симоне Волхве и чернокнижнике Герберте Аврилакском

Вот, например, история Саула.

Он был великий воин и герой и сделался первым царём Израиля. Причём в цари его избрал сам Господь Бог через пророка Самуила. И Самуил помазал его на царство и передал ему власть над народом Божьим. А потом Самуил умер. А Саул всё время вёл войну с безбожными народами, главным образом с филистимлянами. И однажды филистимляне собрали против него большую силу и заняли боевую позицию при городе Сонаме близ горы Гелвуи. (Это всё происхо-

дило в Святой Земле, которая ныне находится под властью нехристей.) И Саул, который до этого неоднократно побеждал язычников, на сей раз, увидев их лагерь и их боевые порядки, испугался.

Причём, заметим, испугался он не только за исход сражения, но и за свою власть. Ибо он знал, что есть такой Давид, тоже герой и воин, любимый народом, да к тому же красавец и певец. Саул и раньше опасался Давида и пытался убить его, так что Давиду пришлось бежать и скрываться в пустыне с отрядом сторонников. И вот теперь Давид может присоединиться к филистимлянам, а народ Божий не захочет сражаться против него. И тогда Саулу придётся туго.

И от этого Саул пришёл в замешательство и не знал, что делать.

Вот что далее рассказывает Священное Писание.

Саул позвал слуг и сказал им:

– Найдите мне женщину, повелительницу духов. Я должен спросить её кое о чём.

– В селении Аендоре есть одна такая, – сказали ему слуги. (А надо сказать, что до этого сам Саул велел казнить или выгнать из царства всех колдунов, ворожей, волхвователей и некромантов.)

И вот Саул переоделся в чужую одежду, укрыл лицо и с двумя спутниками отправился ночью к колдунье.

– Вызови духа, – сказал он, – вызови того, кого я тебе ука-

жу.

Женщина ответила:

– Знаешь прекрасно, что сделал Саул. Он казнил и выгнал из страны заклинателей и чародеев. Что ж ты расставляешь ловушку мне на погибель?

– Жив Господь, – поклялся Саул, – тебе не будет за это наказания.

Тогда женщина спросила:

– Кого же тебе вызвать?

– Вызови Самуила, – сказал он.

Женщина принялась волхвовать и увидела смутный образ. И вскрикнула, и сказала Саулу:

– Обманул ты меня! Ты – сам Саул!

Царь сказал ей:

– Не бойся, тебя не тронут. Говори, что видишь?

– Я вижу: вот мёртвые выходят из земли.

– Узнаёшь кого-то? Каков он?

– Старика вижу, вот он поднимается: борода и волосы белые, и одеяние льняное на нём.

Понял Саул, что это Самуил, пал ниц перед ним. И сказал Самуил Саулу:

– Зачем тревожишь меня? Зачем вызываешь?

– Я в великой беде, – сказал Саул. – Филистимляне воюют со мной, а Бог от меня отвернулся. Не отвечает Он мне ни через пророков, ни в сновидениях. Поэтому-то я и позвал тебя, чтобы ты сказал, что делать.

– Зачем ты спрашиваешь меня, если Сам Господь отвернулся и не хочет говорить с тобой? – ответил Самуил. – Ну, если спрашиваешь, так слушай. Господь взял царство из твоих рук и отдал его одному из ближних твоих – Давиду. Но сначала предаст Господь Израиль вместе с тобой филистимлянам, и ты сам, и твои сыновья завтра уже будете среди нас, мертвецов. И всё израильское войско отдаст Господь в руки филистимлян.

И упал Саул в ужасе от слов Самуила, и лежал долго. Силы оставили его, потому что ничего не ел он весь день и всю ночь.

Примерно так повествует Священное Писание. Далее всё случилось, как сказано: в сражении израильтяне были разбиты, погибли Саул и все его сыновья. А Давид стал царём и восстановил порушенное царство.

Мы видим, что беда с Саулом, и не только с ним, но и с его близкими, и со всем народом, приключилась оттого, что он захотел властвовать, не считаясь с волей Божьей. И чтобы сохранить власть, обратился к тайному знанию. А где знание погружается в тайну, там вырываются наружу тёмные силы.

Скажем ещё так: знание и власть обращаются на погибель, если человек не прямым путём приходит к ним через открытые двери, а пытается завладеть бесчинно: подглядеть в щёлочку, урвать тайком или купить за деньги.

В Писании есть ещё одна история про это.

Святой апостол и евангелист Лука в книге «Деяния апостолов» рассказывает, что в те времена жил в одном городе в области Самарийской (это тоже в Святой Земле) человек по имени Симон, который занимался там всяческим колдовством, выдавал себя за кого-то великого и имел среди местных жителей большой успех. А когда пришёл в этот город апостол Филипп, проповедуя истину Христову, многие самаритяне крестились. И поскольку Господь через Филиппа, по вере его, совершал чудеса и исцеления, то и Симон решил креститься. И, как пишет апостол Лука, «не отходил от Филиппа и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся». Ещё больше изумился он, увидев других апостолов, когда они пришли в тот город. Потому что от них через возложение рук передавался уверовавшим Святой Дух Божий. И получив дар Святого Духа, обыкновенные люди начинали творить чудеса, исцелять и пророчествовать. Тогда Симон собрал побольше денег, пришёл к апостолам и сказал:

– Дайте и мне такую власть, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого. А я вам хорошо заплачу.

Но апостол Пётр (первое имя которого тоже Симон, и мы думаем, это не случайное совпадение) ответил:

– Пропади ты пропадом со своим серебром, коли воображаешь, будто дар Божий можно купить за деньги! Неправ ты перед Богом. Покайся и молись Ему о прощении. Потому что вижу я тебя до ушей налитого горькой желчью и закованного

в кандалы неправды.

Что случилось дальше с Симоном Магом, Священное Писание не сообщает. Но святой Ириней, епископ Лугдунский, человек обширного ума и великой учёности, живший столетием позже, даёт об этом кое-какую справку. В главе 23-й Книги первой своего трактата «Обличение и опровержение лжеименного знания» он пишет: «Этот Симон, самаритянин... образовал свою собственную секту... Купив в Тире финикийском, в блудилище, женщину по имени Елена, он водил её всюду с собою и выдавал за Энною, Изначальную Мысль, мать всех вещей». Мол, эта Мысль, рождённая в глубинах Божиих, зная волю Отца своего, низошла в нижние области и породила ангелов и архангелов, а те сотворили остальной мир. При этом Энная была захвачена в плен порождёнными ею ангелами, терпела от них всяческие неприятности и была заключена в человеческое обличье. И с тех пор перетекает из одного женского тела в другое, как вино из кувшина в кувшин. В частности, она была в той самой Елене, из-за которой произошла Троянская война, а напоследок оказалась блудницей в публичном доме. И якобы Бог Сам во образе Христовом пришёл, чтобы вернуть её к себе и разрешить от уз плоти, а людям доставить спасение через тайное знание. Христос же вовсе не был человек и не страдал, а только притворялся страдавшим на кресте; пророки же предсказывали, вдохновляемые злыми ангелами, устройствами Вселенной. И всё телесное есть зло, от которого надо

освобождать душу, сродную этой самой Мысли.

Как видим, учение Симона тёмное и запутанное, но годится для того, чтобы заманивать дураков неким тайным знанием и через это обретать над ними неограниченную власть. «Поэтому, — добавляет Ириней, — жрецы этой секты живут сладострастно и занимаются делами волхвования... Они употребляют заклинания и заговоры, используют средства, возбуждающие любовное влечение, взывают ко всяким духам типа домовых, толкуют сновидения и так далее».

Про Симона Мага рассказывают, что он, уповая на свою особенную посвящённость в тайны бытия и, возможно, заключив договор с тайнопродавцем сатаной, решил обрести власть над римскими ротозеями, показав им великое чудо. Он заявил публично, что может летать. И действительно, при всём честном народе прыгнул с высокой башни и полетел. Но проходивший мимо апостол Пётр помолился ко Господу Христу, чтобы Тот разоблачил бесовский обман. И вдруг все увидели крылатых демонов, которые несут Симона Мага по воздуху. И явился ангел, и поразил демонов; те выпустили колдуна из когтистых лап; грянулся он вверх тормашками оземь и разбился.

Так это было или по-другому, но, хотя Симон и погиб, он успел увлечь многие души, и семя тайного знания разнеслось по всей земле.

На протяжении последующих столетий подобные учителя сокровенной мудрости появлялись то там, то сям, и в хри-

стианском мире, и среди магометан, евреев и язычников. И у них не было недостатка в учениках, потому что слишком многие люди, считая себя умнее и лучше других, надеются овладеть волшебным словом, чтобы избавиться от страха смерти и властвовать над себе подобными.

Удивительно, конечно, что таковых распространителей колдовских лжеучений немало оказалось среди христиан, причём именно в Римской церкви. Хотя Христос открыл истину всем верующим в Него, и апостол Пётр, глава христиан Рима, низверг лжепророка с небес на землю. Говорят даже, что чернокнижником и волхвователем был один римский папа, то есть преемник апостола Петра.

Это случилось почти через тысячу лет после посрамления Симона Мага.

В X веке от Рождества Христова жил такой человек по имени Герберт, родом из Аврилака, городка на границе владений герцогов Аквитании и графов Тулузы. Про него рассказывают, что он в юности учился астрологии и математике в мавританском Толедо у одного арабского мудреца, владевшего книгой магических заклинаний. И вот однажды он повстречал на улице девушку несказанной красоты. Очарованный, он пошёл за ней – куда она, туда и он. Так они долго плутали по улочкам Толедо. Улучив момент, когда никого не было поблизости, девушка обернулась и сказала:

– Благородный юноша, вы мне нравитесь. А я, как видно,

направляюсь вам. Если вы обещаете полюбить меня, я достану вам ту самую тайную книгу, которую хранит за семью печатями ваш учитель.

И с этими словами обняла и поцеловала его. И он поддался её чарам.

Разумеется, девица оказалась суккубом, то есть демоном, принимающим женский облик и соблазняющим мужчин. Герберт тайно сожительствовал с демоницей, еженощно согрешая плотью, и за это получил такие познания в магических науках, каких не имел никто из современников. Он сделался столь знаменитым учёным, что рукописи его сочинений растащили по всему миру; говорят, даже в сумрачной Московии хранится несколько экземпляров. В конце концов он сделался римским папой под именем Сильвестра II – конечно, не без помощи дьявола (с которым, по некоторым слухам, играл в кости на папскую мантию) и императора Оттона Чудесного. Этого последнего он тоже обучал всякому волшебству и секретам превращений элементов.

Ещё рассказывают, будто Герберт Аврилакский, или уже папа Сильвестр, сделал такую волшебную голову из бронзы, которая могла отвечать «да» или «нет» на вопросы о том, что случится в близком будущем. И благодаря этому он преуспел в политике и прочих мирских делах, ибо всегда оказывался на шаг впереди своих противников. Но кончилось это для него плохо. Он, конечно же, захотел узнать тайну своей смерти и путём наводящих вопросов выведал у головы, что

умрёт, если отслужит мессу в Иерусалиме. Паломничество в Святую Землю он отменил, но забыл о том, что в Риме есть церковь Санта-Мария, которую в народе называют Иерусалимом. И вот он отправился служить в этом храме. И во время богослужения умер от удара. Или сам дьявол явился и разорвал его на части. По-разному рассказывают.

Мы же в данном случае не вполне уверены, что всё это с ним было. Хотя точно знаем, что человек он был учёный и усовершенствовал армиллярную сферу – инструмент, который очень пригодился мореплавателям и путешественникам в те времена, о которых наше основное повествование.

И вот теперь, после столь поучительного вступления, перейдём к жизнеописанию нашего героя.

О происхождении человека, называемого Фаустом

Когда именно появился на свет человек, которого мы знаем под именем Фауст, доподлинно неизвестно. Сам он говорил разным людям, что в момент его рождения Солнце и Юпитер сошлись в одном созвездии и что при таком сочетании небесных тел рождаются пророки. Но он, как всегда, лукавил или же его неправильно поняли, так как подобное явление наблюдается на небосводе весьма нередко, и, будь его слова правдой, повсюду было бы полно пророков.

Неизвестно место его рождения. Учёнейший магистр Филипп Шварцерд, именовавший себя на греческий манер Меланхтон, уверял, что Фауст – уроженец Книтлингена, крохот-

ного городишки на задворках Вюртембергского графства, откуда и сам Меланхтон был родом. Доктор Конрад Муциан, по прозвищу Рыжий, называл его гейдельбергским идолищем. В Университете Гейдельберга, однако, были уверены, что он родом из Зиммерна, который на Рейне. Другие считали его родиной брауншвейгский Хельмштедт, или Зальцведель в дебрях Саксонии, или другой Зиммерн в лесистых предгорьях Хунсрюка, или вовсе какую-то деревушку Роду близ Веймара. Семь немецких местечек – как семь греческих городов, споривших за право считаться родиной Гомера.

Ничегошеньки мы не знаем и о его родителях – благородного ли они происхождения или простецкого. Сказывают, что отцом его был крестьянин, а воспитывал дядюшка, почтенный бюргер. Но это не более чем домыслы. У нас на сей счёт имеется некое предположение, о котором позже. Надо полагать, что всё-таки тут не обошлось без благородных кровей; иначе стал бы сам сатана знаться с нашим доктором! Кстати, доктор ли он был? Тоже вопрос. Иные утверждают (и среди них аббат Иоханн из Тритенхайма, по-латыни нарицаемый Тритемий, сам имевший делишки с нечистой силой), что никакой он не доктор и не магистр, что все учёные титулы и звания он сам себе присвоил, и вообще он – бродяга, пустобрёх и мошенник, которого надо взять да и выпороть хорошенько.

Под вопросом и самое его имя. Одни называют его Иоханном, другие – Георгом, третьи – Иоханном-Георгом или, на-

оборот, Георгом-Иоханном. Что такое Фауст – тоже непонятно. То ли заурядная немецкая кличка от слова *faust* – кулак. То ли благородная римская фамилия, происходящая от латинского *faustitia* – удача. Да уж: в те времена именно госпожа Удача стремительно овладевала сердцами и волей европейских христиан, толкая их на немыслимые подвиги и неслыханные злодеяния. И добиваться её благосклонности приходилось кому оружием, а кому – кулаками. Наш герой, каким мы его видим сквозь пелену столетий, был человек с кулаками и при этом невероятно удачливый – до поры до времени. Так что вполне возможно, что Кулаком прозвали его сверстники за напористость характера, а он переделал это прозвище в благозвучный псевдоним на латинский лад.

Однако вот что интересно. Упомянутый аббат Иоханн Тритемий почему-то так называет Фауста в одном письме, писанном по-латыни: «этот Георгий Сабеллик». Тут перед нами ещё одно прозвище. Его можно понять, как обвинение в старинной ереси Савеллия. Но можно и по-другому: как указание на родовую принадлежность – Георгий Сабинский. Сабины, или сабы, – племя, обитавшее в Италии ещё в эпоху раннего Рима; Сабиной и сейчас называют область между Умбрией, Абруццо, Лацио и Тосканой. Обычно полагают, что прозвище Сабинский свидетельствует о причастности Фауста к тайным знаниям: якобы в Древнем Риме сабины считались отъявленными колдунами. Оспаривать такое толкование не будем, хотя оно и кажется несколько искусствен-

ным. Но слышали мы и другое мнение. Возможно, многознающий аббат тихонько подсовывает нам ключ к разгадке тайны происхождения нелюбимого им персонажа.

В те времена в стране сабинов, в Италии, жил один человек, которого можно было назвать предтечей или даже двойником нашего героя, если бы не одно принципиальное различие: итальянец оставил после себя вполне осязаемое наследие, а его немецкий преемник – только невещественную легенду. В остальном они на удивление схожи. Немец – будь он настоящий доктор или самозванец – обладал огромной учёностью; итальянский мудрец превзошёл в познании тайн природы чуть ли не всех своих современников. Немца считали чернокнижником – итальянца тоже; того и другого подозревали в общении с нечистой силой и не раз намеревались за это прижучить. Итальянец пытался изобрести приспособление для полётов при помощи крыльев (сохранились его рисунки и чертежи); про немца рассказывают, что он в самом деле летал с колокольни при всём честном народе. Немец вызывал духов усопших, то есть занимался некромантией; про итальянца с ужасом шептались, что он по ночам выкапывает на кладбище покойников, а потом режет их у себя в потайной комнате. Оба скрывали от непосвящённых тайны своих постижений, причём итальянец даже придумал записывать оные секретным способом: левой рукой и в зеркальном отражении. Обоим не сиделось на месте, и образ жизни, который они вели, иначе как бродяжим и не назовёшь. При

этом оба водили дружбу с сильными мира сего, и многие земные властители стремились залучить их в свои палаты. Самое же главное: оба стремились докопаться до сокровенной сути всех вещей и, как кажется, готовы были заплатить за это любую цену.

И в их внешнем облике есть сходство... Наверняка есть. Правда, это больше наша догадка. Ибо внешность итальянца известна лишь по его автопортрету: седые кудри, небесный лоб, борода волшебника и взгляд тайновидца... Но только Господь ведаёт, насколько достоверен сей рисунок, да и автопортрет ли это. Образ же немца вообще запечатлён через много лет после смерти и изображает не настоящего человека, а сложившееся о нём представление. Однако они безусловно схожи – в нашем сознании.

Имя итальянца – Леонардо да Винчи. И если бы нам понадобилось изображение Фауста, в котором бы запечатлелся итог его мятежной жизни, то ничего лучшего, чем предполагаемый автопортрет Леонардо, мы бы не нашли.

Кстати сказать, хотя дата рождения нашего героя неведома, но, по многочисленным косвенным данным (например, по упоминаниям в письмах современников и изредка в документах), можно предполагать, что он появился на свет эдак примерно между 1480 и 1485 годами от Рождества Христова. А про Леонардо мы более или менее точно знаем, что он родился в 1452 году и, стало быть, находился в цветущей поре ко времени зачатия будущего доктора Фауста. Причём

как раз-таки в начале восьмидесятых Леонардо перебрался на север Италии, во владения миланских герцогов Сфорца, где занялся осуществлением различных инженерных проектов. В миланские пределы прибывало тогда немало народу из Германии – на заработки, по торговым делам и прочим. И вполне возможно, что на какой-нибудь извилистой североитальянской тропинке ясноглазый естествоиспытатель из Винчи повстречал симпатичную дочку или жену какого-нибудь немецкого приезжего...

Одним словом, мы придерживаемся мнения, что отцом нашего Фауста был Леонардо да Винчи. Если это недоказуемо в плане телесном, то вполне убедительно в плане духовном.

Правда, некоторые утверждают, что Леонардо да Винчи жил как монах. Но ведь не совсем как монах. Да и с монахами всякое бывает.

Родословная мастера Джоконды неизвестна науке, однако, возможно, маг и некромант Тритемий располагал на этот счёт сведениями, полученными от духов. Возможно, он знал, что род да Винчи именно сабинского происхождения. И потому прилепил к имени Фауста прозвище Сабеллик, намекая на незаконное, хотя и почётное происхождение своего недруга и соперника от великого итальянского кудесника.

Леонардо не бросил дитя на произвол судьбы. И хотя не мог взять его в свой дом – по той причине, что своего дома у него никогда не было, – но отдал в хорошие руки и, наверное,

СКОЛЬКО МОГ, СЛЕДИЛ ЗА ЕГО ВОСПИТАНИЕМ.

О том, как доктор теологии молотил ведьм и заодно пристукнул архиепископа

Про детство будущего великого чернокнижника и чародея мы не знаем ровным счётом ничего.

Судя по количеству городов и местечек, в которых вам готовы показать отчий дом доктора Фауста, родители его (настоящие или приёмные) всё время переезжали туда-сюда: из герцогства Миланского в графство Вюртембергское, оттуда во владения князей Анхальт-Цербст, или в Брауншвейгское герцогство, или в Веймар. А мальчонка подрастал в этих разъездах и со всё бóльшим интересом вглядывался в окру-

жающий мир широко открытыми и круглыми, как у молодого кота, глазами.

А смотреть было на что. Жизнь намечалась беспокойная. Как будто волны Океана Времён накатывали на христианскую Европу, стремясь захлестнуть её или разорвать на части, и каждая следующая волна казалась ужаснее предыдущей. Демонские хари выглядывали отовсюду: лживые личности ересей, костлявая маска голода, носатый лик чумы и безносый – новоявленной срамной болячки... Вдобавок к этому – сонмища злобных, как Гог и Магог, народов с Востока: татары, турки, москвиты...

В 1492 году от Рождества Христова – семитысячном от Сотворения мира – ожидали чего-то вовсе из ряда вон выходящего, например конца света. Он, однако, не состоялся.

Иное бедствие обрушилось на латинско-германский мир подобно рою слепней, ос и шершней.

Ведьмы!

Не то чтобы их не бывало раньше. Появлялись. Но с ними удавалось справиться местными средствами, без большого шума. И римские папы неоднократно заверяли паству, что не следует приписывать колдунам и ведьмам особое могущество.

Ситуация изменилась в два-три десятилетия, предшествовавшие ожидаемому светопреставлению, то есть как раз ко времени рождения нашего героя. Количество ведьм и зловредность их пакостных деяний умножились в устрашающей

прогрессии.

Внебрачный отпрыск мага из Винчи ещё посапывал в колыбельке, когда на новую неожиданную беду обратил внимание Европы достопочтенный Генрик Инститор, по-немецки Хайнрих Крамер, доктор теологии и инквизитор немецкой провинции Ордена доминиканцев. Лет сорок он боролся, как мог, с ведьминской напастью, далеко не всегда встречая поддержку и понимание со стороны местных жителей и властей. О деле своей жизни он написал большую научную работу. К тому времени подмастерья майнцского камнерезчика и печатника Иоханна Гутенберга уже разбрелись по городам Европы, устраивая повсюду типографские станки. Труд Крамера-Инститора был напечатан в Шпайере под титулом: «Молот ведьм, уничтожающий ведьм и их лжеучения подобно могучему мечу».

Вот некоторые непреложные факты из этого высокоучёного трактата.

В установленное время ведьмы собираются в установленном месте. (Как нам известно, чаще всего это происходит на вершине горы Брокен в ночь перед 1 мая, Днём святой Вальбурги.) Там им является демон в человеческом образе, и они торжественно приносят ему обеты послушания. Демон протирает лапы, и послушницы, все как одна, выбрасывая правую руку вперёд и вверх, громкими возгласами клянутся ему в верности. Потом произносят присягу – принадлежать ему навеки душой и телом и всеми силами привлекать к нему

других лиц обоего пола.

Затем изготавливается особенная демонская мазь из трупиков некрещёных младенцев.

Вот рецепт снадобья, со слов одной основательно допрошенной ведьмы: «Через повивальных бабок мы подыскиваем новорождённых, умерщвляем их с совершением должного обряда, при этом подстраивая всё так, будто они захлебнулись отрыжкой или задохнулись во время сна. После похорон похищаем из могилы и варим в котле до тех пор, пока не размякнут кости и всё тельце не сделается как студень. Из гущи готовим мазь для полётов и прочего волшебства; жидкость сливаем в бутылъ; кто от неё выпьет, становится соучастником наших таинств».

Одна обратившаяся и покаявшаяся молодая ведьма рассказывала, что жестоко была избита своей тёткой, тоже ведьмой и повитухой, за то, что без спросу открыла припрятанный котёл, а там – множество детских голов.

В окрестностях Берна тринадцать детей были съедены ведьмами.

Ведьмы не только злодействуют, так сказать, по-крупному, но вообще пакостят как могут.

В Базельской епархии добрый работяга повздорил на улице со сварливой бабой. Обругал её хорошенько и пошёл своей дорогой. А вскоре на шее у него вскочил чирей. Бедняга потёр его, и через минуту лицо и шея распухли. К утру весь он с ног до головы покрылся ужасающей коростой.

Одна женщина вышла ночью в отхожее место. Вдруг подул ей в лицо как бы горячий ветер со стороны соседского дома, с хозяйкой которого она недавно поругалась. И тут же у неё на физиономии выросла проказа.

В Инсбруке какой-то солидный господин повадился ходить к смазливой жёнке. А та была ведьма. Ходил он, ходил, да, видно, она ему наскучила. Посылает он к ней слугу: «Передай, мол, сегодня шибко занят, дела; к ужину не жди». Другой раз посылает с тем же. На третий раз она и говорит слуге: «Коли так, – говорит, – скажи своему хозяину, что ему, кобелю этакому, недолго осталось пакостить». В тот же день греховодник упал с лестницы, сломал шею и умер.

Девицы, которых соблазнили обещанием жениться, а потом бросили, вот они-то, не в силах перенести позора, зачашую обращаются к помощи дьявола, дабы околдовать своего бывшего, а заодно и ту, с которой он снюхался. И так как подобным случаям нет числа, то не переводятся и ведьмы.

Некий владетельный граф женился на молодой красавице. В первую же ночь он улёгся с ней в постель – и не смог выполнить супружескую обязанность. То же повторилось и на вторую ночь, и на третью. Так три года подряд: каждую ночь он пытался совершить то, что следовало, но ничего не получалось. А у графа до свадьбы была возлюбленная, которую он соблазнил и бросил. По прошествии трёх лет повстречал он свою бывшую, а она и говорит: «Так уж и быть, открою, как избавиться от моего заклятия. Пойди в сад к ко-

лодцу, раскопай его до самого дна. Там найдёшь ларец, набитый травами и детскими косточками. Выброси содержимое, а ларец сожги». Он так и сделал. После этого поспешил в спальню к своей жене и совершил всё, что нужно.

Некая женщина в течение шести лет сожительствовала с демоном, причём совокуплялась с ним три раза в неделю, в субботу, среду и пятницу, в своей супружеской постели, под боком у спящего мужа. Лишь на седьмой год её уличили, осудили и сожгли.

Злодеяния ведьм превосходят все другие преступления: ведь они не только отрекаются от веры, но отдаются телом и душою демонам, присягают князю тьмы на верность. Поэтому, даже если они раскаются и обратятся к вере, всё равно должны быть преданы смерти.

В одно селение пришла чума, и жители стали умирать один за другим. Пронёсся, однако, слух, что среди прочих на сельском кладбище похоронили ведьму и что зараза до тех пор не прекратится, пока эта скверная баба не сожрёт целиком свой саван. Нечистую могилу раскопали – и увидели: труп свежий, а половина савана съедена. Тогда староста выхватил меч, отрубил злодейке голову и выбросил из могилы. После этого чума тотчас прекратилась.

Эти и множество других фактов, собранных Инститорм в его трактате, ужаснули самого римского папу.

– Не без мучительной боли, – возгласил папа Иннокентий VIII, – узнали мы, что многие лица обоего пола прене-

брегли собственным спасением и, отворотившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами! Насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, а также портят мужчин и женщин!

Папа поручил Крамеру применить против врага «соответствующие средства», которые и были применены. В конце жизни автор «Молота ведьм» утверждал, что отправил на костёр не менее двухсот ведьм.

Но почему-то бедствие не отступало. И новых костров становилось всё больше.

Следует сказать, что неугомонный Генрих не ограничился борьбой с одними только ведьмами. Он вообще ревностно оберегал традиционные ценности Римской церкви и устои апостольского престола. Как раз в те годы, когда работа над книгой-молотом близилась к завершению, устои эти подверглись опасному расшатыванию. Против папы выступил один архиепископ, родом хорват, по имени Андрей Замометич – кстати сказать, собрат Инститора по Ордену доминиканцев. И не просто выступил, а во всеуслышание называл папу Сикста IV дьяволом. (Между прочим, это был тот самый Сикст, предшественник Иннокентия VIII, который велел построить Сикстинскую капеллу. Её потом расписывали, кажется, все именитые художники Италии, все друзья и недруги Леонардо да Винчи, кроме него самого. Видимо, Леонардо всё-таки не дружил с дьяволом.)

Замометич обвинил папу во многих грехах, среди кото-

рых взяточничество, заказное убийство и тайный сговор с врагом христиан турецким султаном Мехметом были далеко не самыми страшными. Правильно обвинил или неправильно – теперь уже трудно установить. От папского гнева ему пришлось бежать в Базель. И там его настиг карающий меч – или, скорее, молот – Инститор. Последний уговорил базельские власти арестовать брата-хорвата и выдать его папе на расправу.

Архиепископа бросили в темницу.

И в камере он удавился. А может, его удавили.

Мы не знаем, что думал обо всём этом наш Фауст тогда и позже. Может, ничего не думал, а принимал как должное. Мы ведь принимаем как должное мнение, что наши тела состоят из атомов. Хотя в это поверить сложнее, чем в чародейство, так как атомы никто не видел, а ведьм видали многие.

Сейчас мы хотим рассказать ещё одну правдивую повесть, различные нити которой оказались вплетены в ткань жизни нашего героя.

О том, как испанский дон наелся индейской зелени, а понос пробрал короля Франции

В те времена, когда ещё не доктор, и не Фауст, и не Иоханн, и не Георг, а просто Ханс бегал в коротких штанишках по задворкам какого-нибудь Хельмштедта или Зальцведеля, приключилась одна такая история, которая существенно изменила ситуацию в мире.

История эта или, лучше сказать, драма оказалась с долгим продолжением, а что до последствий её, то мы их не можем расхлебать до сих пор. И пока разворачивалось на всемирной сцене только первое её действие, наш пухлый мальчонка

успел превратиться в угловатого подростка, а затем и в гибкого юношу с искрой во взоре и с рыжеватой порослью на подбородке.

А началась эта вереница событий в Андалусии, в маленьком портовом городке Палос-де-ла-Фронтера 3 августа 1492 года. Хотя, впрочем, она началась раньше: возможно, тогда, когда при дворе кастильской королевы и арагонского короля появился один иностранец. Кстати, тоже итальянец, как Леонардо да Винчи. Только родом не из Флоренции, а из Генуи. Они почти ровесники: генуэзец всего на полгода старше флорентийца. И оба – неуёмные искатели тайных истин. Разница лишь в том, что флорентиец предполагал обрести истину в законах распространения света и в строении человеческих тел, а генуэзец – в дальних странствиях под парусом.

Не совсем понятно, как его правильно называть. Испанской королевской чете он был представлен как Кристобаль Колон; итальянцы именовали его Кристофоро Колombo; у нас его больше знают в греко-латинском варианте – Христофор Колумб. В Испании он был произведён в рыцари и стал именоваться дон Кристобаль.

Его история хорошо известна, и мы не будем пересказывать её.

Третьего августа 1492 года, как раз перед ожидаемым концом света, дон Кристобаль с командой безумцев отправился из Палоса в плавание к берегам Индии, только не на во-

сток, как все, а на запад, рассчитывая на совершенную сферическую форму Земли согласно Аристотелю. И месяца через три достиг цели. Правда, Индия оказалась совсем не такой, какую ожидали увидеть. Это всё были разных размеров острова среди зелёно-лазурного моря; тамошние обитатели говорили на совершенно непонятных языках, ходили почти нагишом и выращивали всякие диковинные растения. Листья некоторых из них они жевали или же, свернув в трубочку, поджигали и вдыхали дым. И при помощи этих действий приходили в такое состояние, что начинали видеть умерших предков и разговаривать с ними.

Такое явление не могло не заинтересовать дона Колона и его спутников. Вызывание духов умерших и выведывание у них всяческих тайн было, как мы убедимся вскоре на множестве примеров, очень популярно в странах христианской Европы. Можно сказать, что оно было прямо-таки модно. Многие и лучшие умы того времени активно занимались этим делом, которое на учёной латыни называется «некромантия». Поэтому испанцы стали с интересом пробовать индейскую зелень: траву, именуемую по-индейски «тобака», и листья кустарника под названием «кока», чтобы с их помощью выведать тайны мертвецов.

Мы не знаем в подробностях, как это всё происходило.

Известно, что сам Кристоаль Колон составил описание растения табака и испытал на себе его чудодейственные свойства. Пробовал ли он лист растения кока – неизвестно.

Но вот что произошло в скором времени.

Пока адмирал и наместник новых земель плавал между островами (это, кажется, имело место уже во время второй его экспедиции, в 1493 году), часть его отряда обосновалась на большом острове Эспаньола (теперь его называют на местном наречии Гаити), в выстроенном на скорую руку укрепленном поселении. Надо сказать, что это были люди довольно-таки отчаянные: дело в том, что дон Колон получил разрешение короля вербовать по тюрьмам осужденных преступников, которым наказание заменялось участием в экспедиции. Тем не менее отношения с тамошними жителями поначалу складывались у них неплохо. В частности, получено было от местных вождей немалое количество кокки и табаки. Но так как корабли Колона долго не возвращались и делать обитателям тесной крепости было нечего, они слишком деятельно принялись изучать некромантические свойства указанных растений путём вдыхания дыма и паров, в которых заключается магическая сила. А где магия, там и бесы. И в непродолжительном времени испанские поселенцы оказались одержимы бесовской яростью. Не в силах усидеть на месте, подталкиваемые и подзуживаемые демонами, они схватили оружие и бросились вон из крепости, как безумные, круша и истребляя всё на своём пути.

Они довольно скоро перебили окрестное население от мала до велика. Но прежде, чем перерезать аборигенов, движимые сатанинской энергией, они вступили в соитие с та-

мошными женщинами. А когда действие колдовских снадобий ослабело, измождённые, вернулись в свои жилища.

Вскоре приплыли корабли Колона, и большая часть путешественников отправилась за море, домой. Однако и там им спокойно не сиделось — как видно, демоны не вполне покинули их тела и души. Некоторые из них вдобавок чувствовали странное недомогание, сопровождаемое появлением пупырышков на срамных частях, и розовая сыпь проступала на их коже, как будто бесовская сила рвалась изнутри наружу. Но эти странные явления вскоре прекратились.

Как раз в это время, в конце 1493-го и в начале 1494 года, французский король набирал войско для похода в Италию. Спрос на опытных воинов и отчаянных головорезов был велик, и несколько десятков героев Эспаньолы записались солдатами во французскую армию. А другие записались в армию неаполитанского короля, который был близкий родственник короля Испании. Из Западной Индии они не вывезли желанных богатств, так что новый заработок оказался очень кстати.

В августе 1494 года король Франции Карл VIII с несметными силами перешёл Альпы и двинулся на Милан. Началась большая война, в ходе которой королевские жандармы, кутилье, аркебузиры, арбалетчики, алебардисты и пикинёры прошли насквозь Пьемонт, Тоскану, Лацио и прочие области Италии и добрались до Неаполя. По пути они не отказывали себе в различных удовольствиях, в которых воины на-

ходят отдохновение от тягот и опасностей походной жизни. В частности, широко пользовались услугами блудных женщин. В Неаполе же ими до появления французских войск успели основательно попользоваться наёмники неаполитанского короля.

И вот там-то, в Неаполе, на королевскую армию обрушилась небывалая напасть.

Странная болезнь принялась косить несокрушимые ряды закалённых воинов. Болезнь эта была, несомненно, демонского происхождения. Неисцелимый насморк, опухание и сыпь, язвы на теле, причём зачастую на наиболее мужественных членах тел. У некоторых заметны стали наросты и впадины на головах, как будто дьявол лепил позорные маски из их лиц. У других носы стали гноиться и проваливаться, делая живых воинов похожими на ходячих мертвецов.

Как оказалось, зараза передавалась через плотское соитие. И, затаившись на некоторое время в телесных недрах наподобие личинки, затем вырывалась наружу, пожирая и корёжа заражённую плоть.

Рассказывают, что за несколько месяцев пребывания в Неаполе отвратительная хвороба выкосила треть армии французского короля – во много раз больше, чем было потеряно в сражениях.

В ужасе король с остатками войск бежал из Неаполя. Наёмники обеих армий разбрелись по разным странам и, разнося всюду новоявленную заразу, сделали её общеевропей-

ским достоянием.

Долгое время бесовской болячке не могли подыскать подходящего названия. Лет через тридцать врач и астроном Джироламо Фракасторо из Падуи сочинил поэму под названием «Сифил, или О галльской болезни»: про некоего свинопаса, наказанного срамной язвой за гордость. Название, образованное от древнегреческих слов «сис» («свинья») и «филэ» («любить»), закрепилось за болезнью, передаваемой через плотскую любовь.

Мы забыли сказать, чем дело кончилось для короля Франции. Дело кончилось плохо: он умер. Обычно смерть 27-летнего короля объясняют слабым от рождения здоровьем и несчастным случаем: якобы ударился головой о дверную притолоку в Амбуазском замке, и от этого его не стало. Сомневаемся. Не так уж он был хил, если прошёл с армией всю Италию, участвуя в боях. И к тому же являлся весьма галантным кавалером, то есть, попросту говоря, не пропускал мимо ни одной юбки. Один современник, венецианец Санудо, прямо пишет, что король французов здесь, в Италии, «перепробовал множество женщин».

Вот тут-то, мы полагаем, и кроется причина его ранней смерти. Мы склонны думать, что умер он от той самой болячки, которую спутники Кристобалья Колона привезли с острова Эспаньола и которую галантный король подцепил в Неаполе. Но, конечно, объявить об этом вслух приближённые не решились. И выдвинули странную версию о дверной

притолоке.

Кстати, в этом самом Амбуазском замке, вернее, в домишке рядом прожил последние годы жизни великий бездомный Леонардо да Винчи. Там он и умер, пережив на 21 год неудачливого завоевателя Италии.

Что же касается юноши по имени Иоханн-Георг, или же Георг-Иоханн Фауст, то его заморская зараза не зацепила. Во всяком случае, мы на это надеемся. Плотские страсти (как нам предстоит убедиться) порой овладевали им, но не менее властно влекла его иная, унаследованная от отца страсть: познание истины. В те годы, когда демон сифиловой язвы стремительно завоёвывал Европу, превращая ложе человеческих наслаждений в эшафот для казни, сей юноша заканчивал церковную школу где-нибудь в Книтлингене или Веймаре и готовился к освоению университетской премудрости.

О том, как Фауст изучал естественную магию в Кракове

Те, кто знал Фауста лично, более или менее согласно утверждают, что он обучался в Университете Кракова.

Город этот находится во владениях короля Польши, почти что на краю земли, на дальней северо-восточной окраине римского мира. К востоку от него простирается полудикая страна лесов и болот, называемая Литвой, а за ней — вовсе загадочная и страшная Московия, недавно выросшая, как купа ведьминых грибов, на руинах Великой Татарии.

Неудивительно, что жители Краковского воеводства (они называют себя «краковяки»), пребывающие в таком соседстве, весьма интересуются тайными знаниями, а проще говоря, известны как знахари и колдуны. Польский хронист Станислав Сарницкий, ученик известного нам Меланхтона, прямо утверждает, что «в Кракове в старину более, чем в других местах, занимались магией». И далее: «При помощи магических чар жители Кракова вызывали тени польских героев такими по виду, какими описывал своих героев Овидий, и после отпечатывали их изображения на углах домов».

То есть, если мы правильно поняли, в старину краковяки заклинаниями извлекали души мертвецов с того света, делали изображения их как бы с натуры, но почему-то в античных одеждах и доспехах или вовсе нагишом, и украшали оными свои жилища.

Известно также, что близ этого города, в пещере под горой Вавель (что созвучно названию Вавилон, который есть столица антихриста), жил в стародавние времена страшный демон, или дракон, по имени Смок Живоглот. Раз в неделю местные жители должны были приводить ему корову, которую он заглатывал целиком и, довольный, возвращался в своё логово. Если же он не получал вовремя пропитания, то начинал рыскать по округе, сжигая всё огненным дыханием и пожирая попавшийся ему скот, а заодно и людей. Местные жители много лет страдали от этой напасти, но ничего поделать не могли. Но вот наконец нашёлся среди них молодой

герой по имени Крак. Он думал, думал – и придумал, как избавить народ от чудовища. Взял шкуру дохлой коровы, набил её смесью соли и серы и в урочный день поставил это чучело перед норой дракона. Змей выполз; глазки его, огненные, но подслеповатые, узрели привычное лакомство. С урчанием набросился Смок на приманку и вмиг проглотил её. Но в его брюхе коровья шкура разорвалась, соль и сера растеклись по нутру, вызывая страшное жжение и жажду. Кинулся змей к реке, именуемой Висла, стал пить из неё... Пил, пил и пил, пока не надулся, как шар, и не лопнул. А Крака благодарные соотечественники провозгласили своим правителем. От него пошёл род польских королей и название города: Краков.

Историю эту записал блаженный епископ краковский Винцентий ещё во времена Крестовых походов, так что в её достоверности можно не сомневаться.

Школу же в Кракове, ставшую впоследствии университетом, лет за двести с лишним до рождения Фауста основал последний из потомков Крака на польском престоле, славный король Казимир, прозванный Великим. Так что это университет почтенный. И изучали там не только теологию и право, но также и естественную магию, в курс которой входили астрология, алхимия, фармакогнозия и различные тайные мантические знания. Говорят, что, кроме Кракова, лишь в Испании – в Саламанке и в Толедо – можно было по-настоящему обучиться этим наукам.

Кстати сказать, в Краковском университете незадолго до

Фауста слушал лекции по естественной магии ещё один искатель незримых истин, ставший впоследствии весьма известным: Николай Коперник из Торна. Он потом уехал совершенствовать свой ум в Италию: в Болонью, Падую, а оттуда в Рим. Как раз в это время на благословенные грады и веси Италии накнулись два кровожадных хищника: армия французского короля и сифилова болячка. Спасаясь от их когтей, бежал из Милана Леонардо да Винчи. Кто знает, может быть любознательный созерцатель планет из Польской земли повстречал на каком-нибудь повороте своего итальянского пути яркоглазого мудреца, исследователя земных тайн и небесного света... Впрочем, скорее всего, Коперник разминулся в Италии с Леонардо, как разминулся в Кракове с его предполагаемым отпрыском.

Таков был город, куда молодой Фауст отправился на обучение, и такие там встречались люди.

Надо отметить: наш герой обладал умом быстрым, живым и ко всяким наукам имел способности. Так что очень скоро профессора обратили на него внимание. Как утверждает достопочтенный Иоханн Шпис, собравший о Фаусте множество сведений, слухов и баек, «стали его испытывать и экзаменовывать на степень магистра и состязаться с ним позвали 16 магистров, а он их всех превзошёл и победил». Из рассказа Шписа следует, что Фаусту присвоили сразу степень доктора, минуя магистерскую. В этом, однако, многие сомневаются (и даже в том, что ему вообще была присуждена учёная

степень, на что мы уже указывали).

Так или иначе, научился он в Кракове многому. Говорят, что там выучил греческий язык и письма арабские, персидские, армянские, халдейские, а также магические фигуры, знаки, заклинания, волшебные слова и колдовские заговоры. И ещё приобрёл навыки прорицаний и гаданий и вполне освоил хиромантию, а также искусство приготовления ядов и лекарственных смесей. И из богословия сведения имел великие, от Августина Гиппонского до Фомы Аквинского. Но более всего увлекала его магия, то есть познание светлых и тёмных тайн природы. Её-то, магию, по словам того же Шписа, «стал он исследовать и испытывать день и ночь; и именовал себя доктором медицины, астрологом и математиком, а чтобы соблюсти пристойность, сделался врачом».

Иоханн Тритемий, аббат в Шпонхайме – Иоханну Вирдунгу, придворному астрологу курфюрста Пфальцского, 20 августа 1507 года:

«Человек этот, имеющий дерзость называть себя главой некромантов, – бродяга, пустобрёх и мошенник. Придумал себе звание: “Магистр Фауст-младший, кладезь некромантии, астролог, преуспевающий маг, хиромант, аэромант, пиромант и преуспевающий гидромант”. Наглый дурак! Не безумие ли столь самонадеянно называть себя кладезем некромантии тому, кто ничего не смыслит в настоящих науках!»

Как мы указывали выше, жители Кракова тоже весьма и весьма интересовались магией. Так что Фауст оказался в среде себе подобных. Возможно, это обстоятельство подвигло его на осуществление одного смелого опыта, о котором до сих пор рассказывают в Кракове. Я сам слышал о нём собственными ушами.

В Кракове на Рыночной площади стоит большой собор, весь из кирпича и камня, во имя Пресвятой Девы Марии; поляки называют его «костёл Мариацкий». У него две башни, одна с колоколами и другая, сторожевая, выше первой; она возносится над площадью и над городом примерно на 120 локтей. С давних времён повелось, что на верхней площадке этой башни дежурит дозорный с сигнальной трубой. Ежели завидит где-то пожар, или приближение вражеских войск, или иное какое бедствие, он трубит тревожный сигнал. А если всё тихо и мирно, то каждый час играет бодрую мелодию, называемую на венгерский манер «хейнал» (что значит «побудка»).

Так вот. Однажды погожим днём (дело было, говорят, поздней весной или ранней осенью) толпа собралась у подножия Мариацкой башни. От толпы отделился один человек, среднего роста, красивой наружности. В руках он держал что-то объёмное, то ли мешок, то ли жерди с лопастьями. С такой вот ношей он обошёл башню и скрылся за дверцей, что с северной стороны. Через некоторое время фигура

его появилась в нижнем из стрельчатых окон башни. И затем ещё десять раз промелькнула в окнах, расположенных одно над другим.

Это был, конечно же, доктор Фауст.

Поднявшись на самый верх, на ту смотровую площадку, откуда разносится звук краковской трубы, он расправил свою ношу, проговорил неслышные с земли заклинания и, взмахнув руками, прыгнул из окошка вниз.

Полетав немного, сделав два-три круга над площадью, он плавно приземлился возле торговых рядов, сложил обратно в мешок приспособление для полёта и под опасливый ропот окружающей публики невозмутимо удалился.

Рассказывают, что как раз в тот момент, когда Фауст готовился к прыжку, наступило урочное время, и трубач на Мариацкой башне начал играть свой хейнал. Однако, увидев полёт Фауста, до того изумился, что труба выпала из его рук, и мелодия прервалась внезапно, на неожиданной ноте.

С тех пор и доныне так и повелось играть хейнал – обрывая его на том самом звуке.

Правда, иные утверждают, что это случилось гораздо раньше, во времена татарских набегов, от вражеской стрелы, вонзившейся в горло трубача, когда он играл побудку. Нам, однако, это кажется маловероятным: ведь башня костёла Мариацкого была возведена в середине XV века; тогда, да и позже, волны татарских набегов не докатывались до столицы Польского королевства.

О том, как Фауст в первый раз вызывал демона

Некий доктор философии сказал:

«Человеку (который по-латыни *Homo*), единственному среди всех земных тварей – животных, растений и бездушных камней, – ведомо, что есть такая субстанция: будущее. Нам всем так же необходимо предощущать, как есть, пить и дышать. Разум есть тот ключ, которым человек пытается открыть двери будущего. Но именно тут Творец определил начало и предел возможностям нашим. Ибо знать будущее мы не можем и, вглядываясь в него, как сквозь дымчатый хрусталь, видим лишь смутные тени и неверные контуры».

Всё, что человек совершает, он совершает с мыслью о бу-

душем.

Колумб, пускаясь в трудное и смертельно опасное плавание, осуществлял безумство ради будущего – если не всеобщего человеческого, то, по крайней мере, своего собственного: ради грядущего богатства, карьеры, успеха.

Леонардо создавал таинственно-светоносные образы, как бы извлекая их из волшебного кристалла будущего.

Даже Инститор молотил ведьм во имя светлого будущего, дабы не проникла туда, во святыню, никакая зараза.

И все науки, созданные человеческой волей и разумом, направлены к той же цели: познать будущее, найти способ созерцать его.

В первую очередь это относится к наукам, входящим в цикл естественной магии. Алхимия, астрология, механика земная и небесная, учение о целебных травах, хиромантия, медицина... Все они ставят своей задачей создание возможно более точной картины будущего – и все равным образом не достигают этого.

Пройдя различные степени исследования естественной магии и не найдя дороги к вратам Вечной Тайны, Фауст решил обратиться за помощью к тёмным силам. То есть к чернокнижию, которое называют ещё нигромантией, или чёрной магией. И осмелился воззвать к самому князю тьмы, повелителю духов.

Где и когда это произошло, не совсем ясно. Одни утвер-

ждают, что в лесу близ Виттенберга. Другие называют окрестности Гейдельберга или Ингольштадта. А может, это случилось в дебрях под Краковом.

Во всяком случае, это случилось. И даже известно, как именно произошло.

Хотя откуда это известно? Не совсем понятно. Ведь свидетелей там не было. Поведать о том, что и как было, мог либо сам Фауст, либо его когтистый собеседник. Но первый должен был сохранять всё в тайне. А тот, второй – отец лжи, и полагаться на правдивость его рассказов не приходится.

В общем, как-то оно стало известно. И мы расскажем об этом в точности так, как рассказывали нам.

Так вот. Подготовившись хорошенько, прочитав, какие заклинания творить и какие фигуры рисовать, пришел Фауст в густой лес.

Вечерело. Шёл он, шёл, пока не добрался до места, где пересекаются лесные дороги. Там, на перекрёстке, разметил ровную площадку и, произнося таинственные речения, принялся чертить осиновой палкой круги: один большой и два одинаковых малых, точно вписанных в бóльший. Начертил и стал посередине.

Сгущалась тьма. Как только совсем смерклось, начал Фауст творить заклинания – те, которыми вызывается нечистая сила.

Вдруг поднялся в лесу треск, закрипели деревья, зашуршала трава, и гром загремел, как перед бурей. Подул могу-

чий ветер, поднимая тучи песка и прелых листьев, сгибая до земли древесные стволы. Будто ожил лес: замелькали повсюду тени невидимых существ; из-за каждого кустика, из-за каждой ветки потянулись когтистые лапы; мириады крыльев захлопали по воздуху. Толпы причудливых, отвратительных созданий, то ли чертей, то ли леших, запрыгали возле начертанных на земле кругов. Кривляясь и вереща, они тянули к Фаусту свои когти, клешни, лапы, стремясь ухватить его, втащить в свой нелепый хоровод. Но устоял Фауст.

Отступили тени. И тут же будто лучи и стрелы посыпались с четырёх сторон на магический круг. Грохот потряс окрестность, словно стрельба из сотен охотничьих ружей. Оглух бы Фауст, если бы не заткнул уши. Но вот пальба смолкла, засиял свет неведомо откуда. Послышались чарующие звуки множества арф и скрипок, флейт и свирелей, и сладкое пение разнеслось окрест. Шум и топот наполнили дебри, как будто деревья пустились в пляс с русалками и лешими. До упаду плясали невидимки, так что Фауст потерял счёт времени. Но понемногу утих и гомон бала. Танцевальные мелодии сменились конским ржанием, звоном мечей и копий, как на большом королевском турнире. Будто два тяжких рыцаря разгоняются, летят навстречу друг другу – вот-вот сшибутся прямо над магическим кругом...

Страшно стало Фаусту. Едва не бросился он бежать – тогда, наверное, и пришёл бы ему конец. Собрал он все силы и, творя непрестанно заклинания, встал как вкопанный на

заколдованном месте.

Тогда сгустилось вверху облако, чья-то тень закружилась в воздухе, будто большая птица: то ли гриф, то ли дракон... Сотворил Фауст очередное заклинание – и летучий призрак рассыпался, издав печальный клёкот. В том месте, где только что кружил он, вспыхнула в вышине огненная звезда. И понеслась стремительно вниз, и ударила в землю возле самого круга.

У Фауста душа ушла в пятки, но и на сей раз устоял он на месте.

А звезда и обратилась в пламенный шар, и покатился шар по начертанному на песке кругу, оставляя за собой светящийся след, и семь раз обежал вокруг Фауста. Тогда заклинял его Фауст страшным заклинанием. И второй раз заклинял, ещё страшнее. Когда же изрёк он заклинание в третий раз, из шара исторгся огненный столб в человеческий рост, подобный статуе, и снова упал наземь, рассыпавшись шестью огоньками. Огни запрыгали вверх и вниз и мало-помалу стали принимать образ человека, как бы сотканного из пламени. Огненная фигура взвихрилась и понеслась по кругу, рассыпая золотистые искры...

Закружилась голова у Фауста.

Вдруг всё исчезло.

На месте огненного призрака стоял монах в простой серой рясе, подпоясанной верёвкой. Немного помолчав, пришелец глухо изрёк из-под капюшона:

– Чего... Ты... Хочешь?

– Кто бы ты ни был, – прохрипел Фауст пересохшими устами, – приходи завтра ко мне домой в двенадцать часов ночи. Гостем будешь.

Рассказывают, что дьявол (а это был, конечно, он) вначале не хотел принять приглашение, но Фауст заклинул его именем князя тьмы, и серый напоследок согласился:

– Хорошо. Ежели так – приду. Как знаешь.

И с этими словами исчез.

Так всё случилось.

А может, и не так. Может, вообще ничего не было.

Доподлинно мы этого не знаем, а только пересказываем то, что слышали от других.

Три встречи Фауста с чёртом и договор

О том, когда вернулся Фауст домой и что делал весь следующий день, сведений у нас нет. Известно, однако, что лесной собеседник сдержал своё слово и явился в назначенный час к Фаусту.

Правда, не вполне понятно, куда явился. Ведь, как мы знаем, Фауст вёл бродяжий образ жизни, и своего дома у него не было. Не было учёного кабинета, тяжкого стола, заваленного таинственными рукописями и заставленного ретортами, не было чучела крокодила под потолком и жарко пылающего камина. Скорее всего, последующая сцена происхо-

дила в скучном номере какого-нибудь постоянного двора или в съёмной светёлке над жилищем чистенькой причёсанной бюргерши в Гейдельберге, Виттенберге, Ингольштадте или Кракове.

Кстати, трудно точно определить и то, кто именно явился. Одни говорят «демон», другие – «сатана», «бес», «нечистый дух» и прочее. Мы для краткости будем пока что называть его чёртом.

Итак, на следующий день перед полуночью сотворил Фауст заклинания. И чёрт тут же явился, как будто только и ждал этого мгновения.

В каком виде явился? И этого мы не знаем. Почему-то даже господин Шпис ничего не сообщает об этом. Но оно не очень-то и важно: ведь стояла глухая тёмная полночь, а в комнате было темно, ибо хозяева из экономии не зажигали по ночам свечи, да и жильцам возбраняли.

Так что последующий разговор ведётся в кромешной тьме.

Мы только слышим, как зашуршало что-то в углу, и чёрная тень сгустилась между комодом и дверью. И пожалуй, чувствуем лёгкий запах серы.

Голос Фауста. Ты пришёл. Хорошо. Слушай мои условия.
Чёрт. Я весь внимание. Говори.

Голос Фауста. Ты должен быть мне подвластен и послушен

во всём до самой моей смерти.

Чёрт. Немало. Что ещё?

Голос Фауста. Не перебивай. Второе: о чём бы я ни пожелал узнать, ты должен поведать мне всё без утайки.

Чёрт. Это проще. Далее?

Голос Фауста. Молчи, нечистый дух! Последнее: на все мои вопросы ты должен отвечать правду, только правду и ничего, кроме правды.

Хотя в комнате и темно — глаз коли, но мы, кажется, видим: чёрт усмехнулся. Однако ж, памятуя о заклинаниях, ответил уклончиво:

— Мне близки ваши пожелания, любезный доктор, но не в моей воле и власти исполнить такие условия. Я должен просить на это разрешение соответствующих инстанций.

— Как это понимать? — удивился Фауст. — Разве ты не есть всемогущий дух тьмы?

— Нет, — прозвучал короткий ответ.

Фауст озадаченно замолк.

— Как так? Объясни, — послышался через минуту его дрогнувший голос.

— А так вы не знали! Ну, слушайте, — отвечал чёрт. — У нас, чертей, существует точно такая же власть и иерархия, что и в человеческом обществе. Есть у нас правители, и начальники, и подчинённые, и господа, и слуги. Я-то, собственно, и есть слуга. Держава наша называется Легион — может, слы-

шали. Дело в том, что, хотя по собственной гордыне Люцифер и был низвергнут в преисподнюю, но там владеет он легионом, то бишь армией, бесов, и подчиняются ему миллионы демонов. Официально мы именуем его владыкой Востока, ибо звезда его вспыхивает на восходе солнца. Но есть у него владения и в зените, и на закате солнца, и в полночи. Вообще-то, скажу тебе: власть его распространяется также и на всю землю. Поэтому и мы должны служить ему везде. Мы меняем снаряжение и внешность: можем являться в виде призраков или оборотней, а можем принимать человеческое обличье – так людям проще общаться с нами. И когда человек позовёт чёрта, то Люцифер посылает одного из нас, как вот меня послал к вам, профессор. А откуда я пришёл и куда уйду – этого я не скажу. Помрёшь – сам узнаешь.

При этих последних неожиданных словах чёрт, кажется, снова усмехнулся.

– Ах, чтоб тебя черти побрали! – с досадой воскликнул Фауст. – Убирайся к дьяволу!

– С удовольствием!

И исчез.

Но прежде чем незримый собеседник испарился, Фауст успел взять с него обещание встретиться завтра, здесь же, в то же время.

А сам остался в глубокой задумчивости. И думал всю ночь и весь день.

На следующий вечер чёрт так же неприметно появился в комнате Фауста, причём безо всяких заклинаний. Лишь по сгустившейся тьме и серному запаху Фауст узнал о его присутствии.

– Что ж, – донёсся до его слуха знакомый глуховатый голос, – я переговорил где надо и подготовил договорчик. Он, собственно, у меня с собой. Но сначала я должен узнать, каковы будут ваши пожелания. Только, пожалуйста, в рамках реального.

Очевидно, Фауст тоже не впустую провёл этот день: на предложение чёрта он ответил как по писаному – заранее подготовленными шестью пунктами.

– Во-первых, хочу, чтобы по моему зову ты приходил ко мне и давал мне способности, форму и облик крылатого духа. Во-вторых, чтобы ты выполнял всё, что я прикажу и пожелаю. В-третьих, чтобы ты был послушен мне и усерден, как хороший слуга. В-четвёртых, чтобы ты появлялся немедленно, как только я позову. В-пятых, ты должен вести мои хозяйственные и денежные дела, но только так, чтобы никто не догадывался об этом. И наконец, шестое: ты должен будешь являться на мой зов именно в том образе, в каком я прикажу.

– Ну что ж, – ответил чёрт после короткого раздумья, – ничего невозможного в этом нет. Пожалуй, мы готовы будем принять ваши условия. Только и вы, доктор, примите, пожалуйста, на себя кой-какие обязательства. Вот тут, можете

ознакомиться... Ах да, простите: вы ещё не обладаете способностью видеть в темноте... Извольте, прочитаю вслух.

Послышалось негромкое шуршание. Можно представить, как чёрт расправляет бумаги и устраивает на носу очки.

— Итак, внимание. «Во-первых, он, Фауст, обещает и клянётся, что предастся в собственность нижепоименованному духу. Во-вторых, что для большей действенности он подпишет договор своей собственной кровью. В-третьих, что он будет враг всех верующих. В-четвёртых, отречётся от христианской веры. В-пятых, если кто его вновь захочет обратиться, он этим не соблазнится». Договор заключается сроком... Ну, цифры пока ещё не проставлены. «До истечения срока я, исполнитель по имени Мефистофель, буду выполнять все его желания. Когда же придёт время, я же и приду за ним». Что скажете? Годится? Не сомневайтесь, доктор! Будете иметь всё, чего только душа ни пожелает.

На этом они расстались до следующей полуночи. На сей раз, правда, Фауст попросил чёрта прийти в образе монаха-францисканца и позвонить в колокольчик, чтобы появление его не было столь внезапно. К тому же предстоит подписание договора, а для этого нужно будет зажечь свечку, так что облик у визитёра должен быть пристойный.

В положенное время в оговорённом виде посланник преисподней образовался в комнате Фауста с листом бумаги и пером в руках.

Острым ланцетом вскрыл доктор Фауст вену на левом запястье. (Говорят, с тех пор на его руке осталась как бы надпись: «O Nomo fuge» – «Беги, человече, спасайся!») Собрал кровь в небольшой тигелёчек размером с чернильницу. Взял перо, обмакнул туда и принялся выводить кровавый узор на бумаге:

«Я, Иоханн Фауст, доктор, поставил себе целью исследовать первопричины всех вещей. Но ни своим умом, ни наукой, ни сведениями от других людей не мог достичь сего. А посему обратился я к духу, посланному мне, именуемому в договоре Мефистофелем, слуге владыки преисподней в странах Востока, чтобы он меня таковому делу наставил и научил, и мне обязался во всём быть подвластным и послушным. За это я со своей стороны клятвенно обещаю, что, когда промчатся установленные в договоре 24 года, он, Мефистофель, волен будет, как захочет, мне приказывать и меня наказывать, жучить меня, мучить и дрючить, страшать и лупить, и в помойной лохани утопить, и под землю утащить, а также по своему смотрению сможет распоряжаться всяким моим ребром и всем моим добром, в чём бы оно ни заключалось: в плоти ли, в крови, в душе ли, в теле и во всяком непристойном деле. И так на вечные времена, покуда правит сатана. Сим также отрекаюсь от жизни и её радости, и от прелести, и от сладости, и от всего небесного воинства, и от всех людей. И да будет так. Для точного свидетельства и большей силы я, Фауст, написал и подписал данное обя-

зательство собственной рукой и собственной кровью, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, свободно, непринуждённо и так далее. Подпись: Иоханн Фауст, доктор богословия, сведущий в элементах».

Едва только поставил Фауст точку, серый монах тихонько захихикал и запел, слегка покачиваясь в такт:

Вот и попался
Георг-Иоханн!
В церкви тебе
не сыграет орган.
Ангельский хор
для тебя не споёт.
Здравицу друг
за тебя не допьёт.
Звёзд не пригубишь
от праздничных чаш.
Душу погубишь!
Ты продан. Ты наш!
Тихо сыграем
и спляшем ему.
Путь Иоханну-Георгу –
во тьму.

Так заключил Фауст соглашение с дьяволом.

Впрочем, откуда всё это в деталях известно, мы не знаем. Свидетелей вышеописанных слов и действий не было. А текст договора исчез бесследно.

Так что, может быть, всё это выдумки.

О том, как монах кидался чернильницей в чёрта

Вообще-то, даже удивительно, до чего часто приходили в те времена к людям всякие черти, и бесы, и демоны и общались довольно-таки запросто. Их многое видели, и слышали, и даже вступали в энергичные конфликты.

Во времена Фауста жил в немецких землях один такой учёный монах, брат Ордена августинцев, в котором все были учёные. То есть он вначале был монах, а потом отрёкся от монашества. Как монаха его звали брат Августин, а так – Мартин Лютер. Он, между прочим, почти ровесник Фауста – родился в 1483 году в земле Анхальт, в городе Айслебене, расположенном не так уж далеко от Зальцведеля, который

называют родиной Фауста. Между этими двумя персонажами есть что-то общее: и тот доктор теологии, и этот; и оба неуживчивые бродяги, и оба всю жизнь занимались поисками истины (по крайней мере, так им казалось). Стало быть, если Леонардо – отец Фауста, то Лютер вполне может считаться его сводным братом.

Этот Лютер создал потом целое богословское учение, и последователи его, коих много во всём мире, до сих пор называются лютеранами.

А между прочим, Лютер был знаком с Фаустом. И даже оставил небольшие свидетельства мемуарного характера о нём и о некоторых подобных ему знатоках магии. Правда, он не сам это записал, а друзья с его слов. Может, они где-то что-то приврали, или ошиблись, или не так расслышали.

Вот что сказал однажды Лютер:

«Уж если дьявол борется со мной, то не прибегает к помощи таких колдунов, как этот ваш Фауст. Если бы таким способом можно было бы мне навредить, чёрт давно бы сделал это. Ведь сколько раз он хватал меня за глотку! Уж я-то на своей шкуре узнал, каково иметь с ним дело. Порой он так допекал меня, что я уж и не ведал, жив я или мёртв. Бывало, доводил до полного отчаяния, так что я сомневался в самом бытии Божьем».

И ещё:

«Этот Фауст, который называл чёрта своим кумом и приятелем, говаривал, что если бы я, Мартин Лютер, подал ему,

Фаусту, только руку, или даже палец, то он бы меня сумел погубить. Но я знать его не хотел и руку протянул бы ему только ради покаяния и во имя Господне... Да уж, немало против меня затевалось всяких чародейств».

Между прочим, Лютер высказался и об ещё одном нашем общем с Фаустом знакомом, а именно об аббате Тритемии:

«Чернокнижник аббат Шпонхаймский сумел показать императору Максимилиану в его покоях всех умерших императоров и великих героев, каждого в том образе и облачении, как при жизни, в их числе и великого Александра, и Юлия Цезаря, а также невесту самого императора, которую отнял у него король Франции».

Из сказанного следует, что в те времена короли и императоры не менее своих подданных увлекались всевозможными тайными знаниями и общением с покойниками, то есть некромантией. И настоятель Шпонхаймского монастыря, доктор теологии Тритемий занимался тем, что, подобно жителям Кракова, вызывал на беседу с императором Максимилианом давно умерших героев древности. Кстати, этот самый Максимилиан, искавший встреч с усопшими и неплохо оплачивавший услуги Тритемия, был вовсе не какой-то там хилый мечтатель, а настоящий богатырь и турнирный боец, а также основатель огромной мировой державы, простиравшейся на три континента.

Что касается Лютера, то он и про родителя Максимилиана, покойного императора Фридриха, поведал как-то раз ин-

интересную историю:

«Император Фридрих пригласил к обеду одного чернокнижника и своим умением и искусством превратил его ноги в копыта, а пальцы в когти. Вот они уселись за стол друг против друга, и император принялся потчевать. Чернокнижнику стало совестно, и он спрятал свои когти под стол. Наконец, когда нельзя было дольше скрываться, пришлось ему показать всё, как было. Тогда он сказал императору: “Я могу сделать вашему величеству не хуже, если будет на то ваше соизволение”. Император дал согласие. Чернокнижник стал воровать. Неожиданно за окном раздался шум. Император высунул голову в окно, чтобы узнать, что случилось, и тут у него на лбу выросли оленьи рога, так что голова его застряла в окне. Со слезами сказал он чернокнижнику: “Освободи меня, великий маг, ты победил”».

Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Неудивительно, что и сам Лютер неоднократно виделся с чёртом. И даже однажды чуть не подрался с ним.

Об этом рассказывают по-разному.

Говорят, что дело было, когда Лютер жил в замке Вартбург, который высится над городом Айзенах, и занимался там переводом Библии на немецкий язык. А нужно сказать, что он скрывался в замке от своих недругов под чужим именем, и никто в округе не знал, кто он такой. И вот однажды откуда ни возьмись в его комнату без стука вошёл незнакомец в какой-то странной одежде, то ли турецкой, то ли араб-

ской, то ли еврейской.

– Что вам надобно? – спросил Лютер.

– Мне надобно обсудить кое-какие учёные вопросы со знаменитым богословом, – отвечал незнакомец.

– Что ж, говорите, – промолвил удивлённо Лютер.

И тот принялся задавать богословские вопросы, один другого мудрёнее. Поначалу Лютер отвечал на них, но в конце концов посетитель загнал его в тупик.

– Послушайте, – сказал Лютер после раздумья, – вопрос ваш труден и требует долгого рассмотрения. Сейчас у меня нет на это времени. Вот, возьмите эту учёную книгу: в ней вы найдёте ответы на многие сложные вопросы.

И протянул незнакомцу фолиант. Но когда тот, чтобы взять книгу, выпростал руки из-под широких рукавов, оказалось, что у него не ладони, а лапы наподобие птичьих, с острыми когтями.

Вмиг понял Лютер, кто перед ним.

– Ах, это ты! – завопил доктор теологии. И со словами «Семя жены сотрёт главу змия!» запустил в него чернильницей.

Чёрт мгновенно исчез, произведя страшный грохот и оставив удушливый запах серы. А чернильница грянулась о деревянную балку рядом с дверью и – дзынь! – разлетелась вдребезги, оставив на стене большущую кляксу.

Эту кляксу и сейчас показывают в Вартбургском замке. Вернее, то место, где она была, так как последователи и по-

клонники доктора Лютера давно соскоблили с дерева остатки чернил.

Впрочем, то же самое показывают и рассказывают и в Виттенберге, и в Кобурге, в домах, где тоже в разное время жил Лютер.

Так что, возможно, великий богослов и творец немецкой Библии вынужден был неоднократно швыряться в чёрта чем под руку попало.

Нечистый дух по имени Мефистофель развлекает Фауста

Однако ж из кельи доктора Лютера вернёмся в каморку доктора Фауста.

Получив договор, чёрт, именуемый Мефистофелем, немедленно снял с него копию и сунул её Фаусту поскорее на подпись, пока кровь в чернильнице не засохла. Совершив эту юридическую формальность, демон развеселился и принялся развлекать Фауста всевозможными демонскими шутками, наподобие того, что он вытворял давеча в лесу.

Прежде всего, он принял огненный облик и принялся бегать взад и вперёд, рассыпая вокруг себя искры и выбрасывая языки пламени аж до потолка.

Затем комната погрузилась во тьму. Послышалось шуршание долгополых одеяний, шёпот и бормотание, как будто невидимый хор собирается на спевку. Гулкие голоса запели, сначала тихо и протяжно, потом всё внушительнее, как монахи в сумрачном монастырском храме, и огоньки замелькали вдалеке, будто лампадки. Сладко стало Фаусту от их пения, сладко и страшно. А пение становилось всё звонче и пронзительнее, и уж хотел он просить демона прервать тревожащее душу видение, но тут смолкли голоса. Воинственный грохот ворвался в темноту комнаты: звон копий, лязг сабель о кольчуги, свист тяжких арбалетных стрел, будто он, Фауст, в осаждённом замке, и идёт на приступ вражья сила.

Но утихли звуки боя. Заливистый собачий лай послышался издалека, затрубили рога, донеслись приближающиеся клики охотников. Дивный олень с ветвистыми рогами выбежал из леса, озираясь и кося огненным глазом. За ним гналась стая собак. Вихрем закружили они по комнате Фауста между столом и камином. И вот уже скачут верхом охотники... Выстрел, другой, третий... Упал рогатый, спешились всадники, бегут, вытаскивая тесаки, вот-вот примутся свежевать...

Но тут оленья туша превратилась в косматого льва, а из фигур охотников слепился дракон. Вскочил лев, налетел на него дракон, получил лапой по морде, отпрянул... Принялись они биться не на жизнь, а на смерть. Отчаянно дрался лев и едва не поверг своего противника, но тот всё же излов-

чился – ам! – и проглотил гривастого.

– Гляди! – воскликнул Мефистофель. – Гляди во все глаза! Сейчас начнётся самое интересное.

Тьма сгустилась и тысячами искр вспыхнула в глазах Фауста. Покончив со львом, дракон отдышался, встал на задние лапы и принялся извиваться, будто в диковинном танце. И вот он уже вырос до самого неба, крылья у него оказались чёрные, когти как татарские сабли, брюхо жёлтое, всё в белых и бурых пятнах, спина горбатая, а хвост закручен, словно раковина улитки.

И вдруг исчез летучий змей. Послышались скрипучие клики, и во мраке вспыхнул переливчатый свет. Длиннохвостый павлин вошёл в комнату; навстречу ему – пава. Поднял павлин хвост, расправил веером, затанцевал, припадая и запрокидывая голову. Заискрились перья, изливая чудесное сияние. Но не угодил он паве: та накинулась на него с криком... раз! – и клюнула в шею. Отпрянул павлин, затопал, заклекотал, клювом защёлкал. Так перебранивались они: то пава клюнет павлина, то павлин напрыгнет на паву. А потом припали друг к другу, заворковали и, обнявшись, растворились в темноте.

Тогда затрясся пол, задрожал потолок, ходуном заходили стены. Могучий разъярённый бык примчался откуда ни возьмись, сверкая налитыми кровью глазами и испуская пар из ноздрей. Огромными прыжками понёсся он прямо на Фауста, так что у того душа ушла в пятки. Вот-вот и растоп-

чет... Прыжок – и нет быка. Вместо него – большая старая обезьяна, ласкаясь умильным взором, тянется к Фаусту, хватая его длинными пальцами, пытается забраться на колени... И вдруг, словно испугавшись чего-то, убежала.

Она исчезла, и густой туман окутал всё кругом, и пространство наполнилось звенящими и шелестящими звуками. Как ни пялил глаза Фауст – ничего не мог разглядеть. Но вот дымка рассеялась, и тускловатый предутренний свет озарил комнату. Прямо посреди неё оказались два здоровенных мешка, один доверху наполненный серебром, другой – золотом. В этот миг заиграли невидимые музыкальные инструменты. Запел задумчиво орган, ему подпела гармоника, заворковали арфы, забренчали лютни, заискрились скрипки, сладкие флейты принялись переговариваться с гулкими тромбонами и тревожным гобоем. И такая согласная музыка разлилась повсюду, что Фаусту подумалось, будто он уже на небесах.

– Ну как? – спросил Мефистофель, и музыка прекратилась. Морок рассеялся.

– Прекрасно, – ответил Фауст. – Начало хорошее. Ну а теперь вот что. Во-первых, хочу, чтобы у меня был свой дом.

– Будет.

– И чтобы служил мне верный и надёжный слуга.

– Сделаем.

– И чтобы никого лишнего в моём доме не было.

Не успел Фауст договорить, как в дверь постучались.

– Кто там? – спросил Фауст.

– Разрешите войти, господин доктор, – послышался голос незнакомца. – Меня прислали к вам из магистрата.

– Войдите, – сказал Фауст. – Кто вы?

– Меня зовут Кристоф Вагнер. Я принёс вам важное письмо.

Фауст взял протянутый ему лист, с которого свисало несколько печатей. Там было написано и заверено, что он, Фауст, являясь единственным наследником недавно умершего почтенного горожанина такого-то, получает в наследство дом покойного со всей содержащейся обстановкой и всем хозяйством и может поселиться в доме оном немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.